

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ тринадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

25-го Мая 1875 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1875 г. по 20 коп. (маркамъ).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 21.

* При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

— Высочайше награжденъ, въ 3-й день Февраля сего 1875 г., орденомъ св. Анны 3 ст., священникъ Преображенской ц. г. Слонима, Гродненской губ., *Иосифъ Михаловскій*, за 12-ти лѣтнее прохожденіе съ усердіемъ должности благочиннаго.

— Государь Императоръ, 3-го апрѣля сего года, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Св. Синода объ учрежденіи втораго викариатства въ Грузинскомъ экзархатѣ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Викариатству сему состоять при Грузинскомъ экзархатѣ и подъ управленіемъ экзарха непосредственно завѣдывать церквами и причтами гор. Владикавказа, Сѣверной Осетіи и Алагирскаго завода. 2) Епископу, назначенному на сіе викариатство именоваться епископомъ Владикавказскимъ, вторымъ викариемъ Грузинскаго экзархата, и имѣть мѣстопребываніе въ гор. Владикавказѣ. 3) Содержаніе получать по штату, Высочайше утвержденному Его Императорскимъ Величествомъ 14-го минувшаго января, а ризницею и прочими принадлежностями архіерейскаго служенія снабдить викарія, на первое время, изъ Тифлискаго кафедральнаго собора и изъ архіерейскаго дома экзарха.

— № 19. Апрѣля 26 дня 1875 г. О совершившемся св. крещеніи Высоконоворожденной Великой Княжны *Ксеніи Александровны*. (Съ приложеніемъ формы и дополненія къ табели высокаторжественныхъ и вѣкторіальныхъ дней.)

— Телеграммы, полученныя министромъ внутр. дѣлъ отъ Люблинскаго губернатора и г. сов. Макова, изъ г. Замостья, Люблинской губ., отъ 15-го мая 1875 г.

Отъ губернатора. Сейчасъ совершилось торжественное воссоединеніе 51 прихода: Замостьскаго, Бѣлгорайскаго, Яновскаго и остальной части Томашовскаго уѣздовъ, въ лицѣ прибывшихъ 41 священника и 102 депутатовъ. По случаю ненастной погоды прежній порядокъ богослуженія измѣненъ, и сперва совершена литургія, а потомъ, съ превращеніемъ дожда, молебствіе на площади, передъ церковью, при многочисленномъ стеченіи народа. По благословеніи архіепископомъ народной трапезы, духовенство, депутаты и

гости отправились къ обѣденному столу; на вечеръ приготовлено гулянье и иллюминація съ музыкою и фейерверкомъ. Послѣ обѣда, бывшаго въ помѣщеніи замостьскаго клуба, вновь воссоединившіеся, по выходѣ архіепископа, бросились къ его каретѣ, выпрягли лошадей и съ восторженными криками повезли его высокопреосвященство до квартиры, чѣмъ вдалыка былъ глубоко тронуть. Такимъ образомъ дѣло воссоединенія съ православіемъ всѣхъ 147 приходовъ губерніи съ 134 тысячами униатскаго населенія съ Божіею помощію окончено.

— Отъ тайнаго совѣтника *Макова*. Воссоединеніе съ православною церковію всѣхъ приходовъ и духовенства Люблинской губерніи окончено. Отъ Грубешова до Замостья толпы народа радостно встрѣчали архіепископа. Въ селеніяхъ и особенно у трехъ церквей, стоящихъ у дороги, народъ тѣснился принять благословеніе; женщины поднимали грудныхъ и малыхъ дѣтей; архіепископъ входилъ въ церкви, говорилъ народу поученія и былъ глубоко тронуть набожностію и почтительностію народа.

Мѣстныя Распоряженія.

— Перемѣщеніе. 13 сего Мая перемѣщенъ, согласно прошенію, священникъ Голомысльской ц. *Феликсъ Хручкій*, на священническую вакансію къ Григоровицкой ц. Дисненскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ, 20 сего Мая, на слѣд. трохлѣтіе, къ *Шавельской* ц. Директоръ Шавельской гимназіи стат. совѣт. *Михаилъ Марковичъ Изюмовъ*, и

къ *Вилиновской* ц. Воложинскаго благочинія — крестьянинъ д. Ольшанки *Павелъ Васильевъ Жарскій*.

— Назначенъ и. д. казначея Литовской дух. Консistorіи, 21 Мая, чиновникъ Виленскаго губ. правленія, титул. сов. *Михаилъ Раковскій*.

Мѣстныя Извѣстія.

— Пожертвованіе. Въ *Бѣнишкую* ц. Опшянскаго благочинія, старшиною Бѣнишквой волости и крест. Семе-

номъ Роцкою, въ истекшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, пожертвованы двѣ хоругви въ 25 руб. и три фун. воску на 1 р. 80 к., и церковнымъ старостою Сапачемъ облаченіе на столикъ церковный въ 3 руб.

— **Отъ Редакціи.** Редакція честь имѣетъ увѣдомить своихъ подписчиковъ, что ею получены подписныя деньги за Епархіальныя Вѣдомости сего 1875 г. *сполна*—1-хъ отъ благочиній: Лидскаго, Влодавскаго, Высоколитовскаго, Кобринскаго, Черевачицкаго, Антопольскаго, Бездѣжскаго, Косеовскаго, Пружанскаго, Селецкаго, Шершевскаго, Вѣлостокскаго, Сокольскаго; 2-хъ—отъ церквей: Виленской Дворцовой, Благовѣщенской и Рудоминой—*Виленскаго* благочинія, отъ Шумской и Островецкой—*Шумскаго* благоч., отъ Ошмянской, Сморгонской Преобр., Кревской Троиц., Залѣсской, Гольшанской, Трабекской, Юратинской—*Ошмянскаго* благоч., отъ Груздово-Полоч., Городковской, Довбенской и Вахштанской—*Воложинскаго* благоч., отъ Ижской, Крайской, Квятининской и Долгиновской—*Вилейскаго* благоч., отъ Старо и Ново Мидельскихъ, Габской, Ситеской, Жоснянской, Порплицкой и Норицкой—*Мидельскаго* благоч., отъ Марковской, Лебедевской, Лотыгольской, Хожовской, Вязинской, Радомковской, Ильской Иосиф., Ново-Красносельской, Весѣдской и Хотенчицкой—*Молодечненскаго* благоч., отъ Цвѣцинской и Путятинской—*Дисненскаго* благоч., отъ церковей *Глубокскаго* благоч., (за исключеніемъ Поставской, Осингородской, Козьянской и Верхнянской), отъ церковей *Друйскаго* благоч. (за исключеніемъ Григоровицкой, Друиской Благовѣщ., Богинской, Друиской Преобр., Юдицкой и Юдской), отъ *Свенцянскаго* благоч. (за исключеніемъ Сосновской ц.), отъ Сабакинской ц.—*Шушинскаго* благоч., отъ Гродненской собор., Жидомлянской, Друскеницкой, Скидельской и Ятвѣской—*Гродненскаго* благоч., отъ *Великоберестовицкаго* благоч. (за исключеніемъ церковей Великоберестовицкой, Массальянской и Клепацкой), отъ Чернавчицкой ц.—*Брестскаго* благоч., отъ Стрѣленской, Гутовской, Вороцевицкой, Осовецкой, Одрижинской, Глинянской и Ивановской—*Ивановскаго* благоч., отъ Милькановицкой и Езерницкой—*Слонимскаго* благоч., отъ Козловицкой, Люшневской и Высоцкой—*Дятловскаго* благоч., отъ *Бытескаго* благоч. (за исключеніемъ Волькообровской), отъ *Волковыскаго* (за исключеніемъ Ятвѣской), отъ *Подоросскаго* благоч. (за исключеніемъ двухъ церковей), отъ Вѣл. Пречистенской, Вѣл. Михайловской и Пухловской—*Бѣльскаго* благоч., отъ Семятицкой и Мельникской—*Дорогинскаго* благоч., отъ Клещельской и Боснянской—*Клещельскаго* благоч., отъ Ковенской собор., Кейданской, Таурогенской и Кретингенской—*Ковенскаго* благоч., отъ Тельшевской—*Шавельскаго* благоч., отъ Вилкомирской—*Вилкомирскаго* благоч., отъ Ковенской Единовѣрческой, отъ церковей *Новоалександровскаго* благоч. (за исключеніемъ Антолептской и Козачизнянской). Отъ *монастырей*: Пожайскаго, Виленскаго св. Духова, Сурдегскаго, Гродненскаго Борисоглѣбскаго и Гродненскаго женскаго.

— **Вакансіи—Священниковъ**—въ с. *Шиловицахъ* и *Говяиновичахъ*—Слонимскаго уѣзда, въ с. *Чернянахъ*—Брестскаго уѣзда. **Псаломщиковъ**: въ с. *Мизирахъ* и с. *Алексеви*—Слоним. уѣзда, въ *Козачизнѣ* и *Ушполѣ*—Ковенской губерніи, въ с. *Свѣтлянахъ*—Свенцянскаго уѣзда, въ с. *Голомыслѣ*—Диснен. уѣзда, *Цуденишкахъ*, *Интуркахъ*—Вилен. уѣзда, въ с.

Крайскѣ—Вилейскаго уѣзда, въ м. *Мотолѣ*—Кобринскаго уѣзда, въ с. *Ятвѣскѣ*—Волковыскаго уѣзда, въ с. *Приборовѣ*—Брестскаго уѣзда и въ г. *Ошмянѣ*.

Неоффиціальныи Оидѣль.

— **Пріѣздъ Его Высокопреосвященства въ Вильну.**
20 Мая, въ 8-мъ ч. утра, изволилъ пріѣхать изъ СІБурга въ Вильну Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Макарій, Архіепископъ Литовскій и Виленскій. На станціи Виленской желѣзной дороги Высокопреосвященнѣйшій Владыка встрѣченъ былъ наѣстникомъ Виленскаго Свято-Духова монастыря архим. Мелетіемъ, членами Консисторіи, г. Виленскимъ губернаторомъ Е. П. Каменскимъ и др. лицами. Со станціи желѣзной дороги Его Высокопреосвященство отправился въ Св. Духовъ монастырь, гдѣ былъ встрѣченъ преосвященнѣйшимъ Евгеніемъ, епископомъ Ковенскимъ и братією монастыря. Приложившись къ престолу въ главной церкви и мощамъ св. Виленскихъ мучениковъ въ пещерной церкви и благословивъ братію и собравшійся въ церковь народъ, Его Высокопреосвященство уѣхалъ въ загородный архіерейскій домъ—Тринополь. 21 Мая, въ 11-ть часовъ утра, городское духовенство, начальники и наставники дух. учеб. заведеній и др. лица представлялись Его Высокопреосвященству.

Духовный судъ въ западной Руси въ XVI вѣкѣ.

XVI вѣкъ былъ едва ли не лучшимъ временемъ для западной Руси, въ періодъ ея зависимости отъ Литвы. Борьба партій, а съ нею и всякія преслѣдованія русской національности прекратились. Русскіе князья засѣли въ радѣ, менѣе крупныя землевладѣльцы получили шляхетство, города—Магдебургское право; только положеніе низшихъ классовъ ухудшилось въ сравненіи съ прежнимъ, хотя все таки было гораздо лучше, чѣмъ потомъ въ XVII вѣкѣ. Повидимому и для православной церкви время это было самымъ благопріятнымъ. Мѣсто королей—усердныхъ латвиянъ, преслѣдовавшихъ православныхъ, каковыми были нѣкоторые короли XV вѣка, заступили короли индеферентисты. Александръ, послѣ неудачной войны съ Иваномъ III, пересталъ преслѣдовать православныхъ и даже дѣйствовалъ въ ихъ пользу. Сигизмундъ I, ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ относился одинаково благосклонно, точно также какъ и свободно мыслящій сынъ его Сигизмундъ Августъ. Генрихъ Валуа въ свое кратковременное царствованіе не успѣлъ заявить себя ничѣмъ особеннымъ. Стефанъ Баторій, пока былъ княземъ Седмиградскимъ, покровительствовалъ протестанству; въ разнужданной Польшѣ онъ счелъ себя вынужденнымъ опереться на іезуитовъ, ласкалъ ихъ, но православія, вообще говоря, не преслѣдовалъ, потому, что на первомъ планѣ ставилъ государственныя цѣли. Сигизмундъ III, пока находился подъ вліяніемъ канцлера Замоискаго, былъ чуждъ того фанатизма, который въ послѣдствіи сталъ въ немъ преобладающею чертою и принесъ столько зла Польшѣ. Не смотря на эти благопріятныя, повидимому, обстоятельства, западнорусская церковь никогда не несла столь чувствительныхъ потерь, какъ въ это время. Къ концу XVI в. вся русская аристократія и

значительная часть шляхетства перешли въ латинство; почти вся іерархія отпала въ унию, не малая часть горожанъ и низшихъ классовъ (послѣдніе не вольно) также. Нѣчто похоже мы замѣчаемъ и по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу. Никогда западно-русская церковь не получала отъ великихъ князей Литовскихъ и королей польскихъ столько жалованныхъ грамотъ, ограждавшихъ ея права, между прочимъ, и въ области церковнаго суда; также щедры были короли и на подтвердительныя грамоты разнымъ свѣтскимъ лицамъ, съ запрещеніемъ имъ вступаться въ суды духовныя, судить дѣла подлежація суду церкви. А между тѣмъ область духовнаго суда, мало по малу сдузилась до самыхъ незначительныхъ размѣровъ, а на практикѣ опредѣленія духовнаго суда утратили почти всякую силу.

Двумя способами церковь могла сохранить свою силу и значеніе въ области церковнаго суда, или присодѣйствіи гражданской власти, или же опираясь на свой собственный нравственный авторитетъ. Первое было не возможно, не столько потому, что короли были иновѣрцы, сколько вслѣдствіе все большаго ограничиванія ихъ власти, вслѣдствіе безплія ихъ. Не говоримъ уже о знатныхъ панахъ; даже какой нибудь незначительный войтъ⁽¹⁾ могъ всю жизнь беззаказанно грабить и безчинствовать, не смотря на королевскія и трибунальскіе декреты, которые, вообще говоря, рѣдко приводились въ исполненіе. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ гражданская власть не могла оказать содѣйствія церковной. Также малодѣйствителенъ былъ и второй способъ. Авторитетъ церкви совершенно упалъ въ глазахъ западно-русскаго населенія, благодаря тому, что высшіе іерархическія мѣста занимались нерѣдко людьми самыми недостойными. Король отдавалъ епископскія кафедры лицамъ свѣтскимъ, иногда просто за деньги. Ставъ епископами, буйные шляхтичи продолжали вести такую же безобразную жизнь, какую вели и до посвященія. Отсутствіе сильной церковной власти, разьединеніе іерархій, были также причиною ея безсилія и безвлятельности. Были и др. причины, о которыхъ, впрочемъ, мы будемъ имѣть случай сказать ниже.

Разсматривая вопросъ о духовномъ судѣ въ западной Руси въ XVI в., мы нашли удобнымъ подраздѣлять его на слѣдующіе честнѣйшіе: 1) объ узаконеніяхъ дѣйствовавшихъ въ западно русской церкви; 2) о томъ, какія дѣла и лица подлежали духовному суду и наконецъ 3) о томъ, кто судилъ и какъ отправлялся судъ.

I. Узаконенія дѣйствовавшія въ западно-русской церкви.

Западная Русь, состоя подѣ владычествомъ вел. князей Литовскихъ и потомъ въ соединеніи съ Польшею, стремившеюся къ распространенію въ ней польскихъ законовъ и обычаевъ, естественно должна была быть весьма устойчивою, и упорно въ поддержаніи своихъ старыхъ обычаевъ и законовъ, дабы отстоять свою національность и нравственную самостоятельность. А посему въ гражданскихъ законодательныхъ памятникахъ западной Руси мы находимъ болѣе тѣсную связь съ русскою правдою и древнѣйшими русскими юридическими обычаями, нежели въ памятникахъ Московской Руси. Сѣверо-восточная Русь въ своемъ юридическомъ развитіи дѣйствовала какъ-то свободнѣе, нежели ея юго-запад-

ная сестра; ей, побѣдоносной и независимой, не было нужды въ борьбѣ и упорномъ отстаиваніи своей старины. Но со-всѣмъ другое было положеніе Руси Литовской; тамъ старина была единственною опорою для охраненія національности, на ней только держалась нравственная самостоятельность и независимость народности, всякое нововведеніе тамъ грозило чужеземнымъ вліяніемъ. Все это сообщило законодательнымъ памятникамъ западной Руси свой характеръ, отличающій ихъ строгою и какою-то несвободною покорностію русской правдѣ и вообще старымъ юридическимъ обычаямъ⁽²⁾. Еще болѣе это можно сказать о западно-русскомъ законодательствѣ, въ области церковной. Иновѣрное правительство не имѣло никакого интереса вводить въ дѣйствующія узаконенія западно-русской церкви полезныя для нея новшества, разширявшія ея права⁽³⁾, скорѣе напротивъ. Въ видахъ слиянія Литвы съ Польшею, польское правительство особенно заботилось о развитіи въ Литвѣ и западной Руси шляхетства; потомъ, когда шляхетство почувствовало свои силы, оно не довольствовалось уже тѣмъ, что давала власть, а само добивалось разширенія своихъ правъ.

Далѣе въ видахъ увеличенія богатства края чрезъ развитіе промышленности и торговли, а также съ цѣлію привлечь къ себѣ жителей городовъ, бывшихъ въ то же время и главными укрѣпленными пунктами, правительство старалось разширять права городовъ чрезъ пожалованіе имъ Магдебургіи. Но общая сумма правъ въ государствѣ осталась, конечно, одна и та же: и если разширились права шляхетства и городовъ, то они должны были разширяться въ ущербъ кому-нибудь. Разширились они главнымъ образомъ на счетъ короли, отчасти низшихъ классовъ и отчасти церкви. Католическій фанатизмъ, которымъ иногда были заражены и государи, а особенно латинское духовенство, имѣвшее не малую силу въ радѣ и на сеймѣ, не могъ также благоприятствовать разширенію правъ православной церкви. Не распространяясь вширь, западно-русское церковное законодательство могло развиваться вглубь, раскрываться въ указанныхъ ему границахъ, получать болѣе опредѣленности, въ чемъ гражданская власть и разныя др. стороннія вліянія не могли быть ему значительно помѣхою. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно было кое что сдѣлано, хотя не особенно много. Удѣльная жизнь оставила весьма замѣтные слѣды въ жизни западно-русскаго народа. Каждая область имѣла свои уставы, свои своеобразные отѣнки въ юридическихъ обычаяхъ, замѣнявшихъ тогда писанные законы,—крѣпко стояла за эту унаслѣдованную старину и весьма неохотно допускала какія бы то нибыло нововведенія. Сами великіе князья вначалѣ (Александръ и отчасти Сигизмундъ I-й) ревностно охраняли эту старину. Въ грамотахъ Александра особенно часто встрѣчаются выраженія: „мы старины нерухаемъ и новинъ вводить нехочемо“ и т. п. Но не только области имѣли каждая свои особенныя старыя права и узаконенія,—ихъ имѣлъ каждый городъ, каждое учрежденіе; какой либо князь или панъ, основывая монастырь, или надавая ему землю, опредѣлялъ

(2) Бѣляева, о наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ 1858 г. стр. 117.

(3) Едвали не единственное исключеніе грамота Владислава Варненскаго, которою онъ, по случаю флорентійской униі, уравнивалъ въ правахъ православное духовенство съ римско-католическимъ. Впрочемъ, она, кажется, осталась мертвой буквой. То несомнѣнно, что православное духовенство въ западнорусской церкви никогда не достигало тѣхъ правъ какими пользовалось римско-католическое.

(1) Напр. Каменца Литовскаго. См. акты, изд. Виленск. архіограф. Коммиссіею Т. VI.

вмѣстѣ съ тѣмъ его права, его подсудимость тому или другому лицу или учрежденію и т. д. При отсутствіи сильной централизующей власти въ западно-русской церкви, въ ней трудно было выработаться общимъ узаконеніямъ, которыя имѣли бы одинаково обязательную силу во всей церкви. Такое значеніе могли имѣть только тѣ узаконенія, которыя были выработаны еще въ древней церкви и унаслѣдованы всею западною Русью, какъ готовое данное,—или же такія, которыя были введены какъ общеобязательныя гражданскою властію, у которой было гораздо больше средствъ къ тому, чтобы дать своимъ установленіямъ силу общаго закона. Оттого-то при множествѣ разныхъ жалованныхъ, подтвердительныхъ, уставныхъ и наказныхъ грамотъ отдѣльнымъ учреждениямъ и лицамъ, мы почти не встрѣчаемъ узаконеній, выработанныхъ за этотъ періодъ западно-русскою церковью,—такихъ, которыя бы имѣли общеобязательное значеніе для всей западно-русской церкви. Единственное, кажется, исключеніе составляютъ постановленія Виленскаго собора, которыя, впрочемъ, остались буквою почти мертвою. Изъ унаслѣдованныхъ отъ прежняго времени дѣйствующими узаконеніями были: свитокъ Ярослава и правила св. отецъ. Изъ узаконеній гражданской власти общеобязательное значеніе въ церковно-судебной практикѣ получилъ Литовскій статутъ.

Вотъ свитокъ Ярослава. „Се азъ князь Ярославъ, съ совѣтомъ преосвященнаго митроп. Кіевскаго Иларіона и всѣхъ боголюбивыхъ епископовъ Русійскихъ, судихъ написать сія номоканоны и свитокъ, соблюденія ради опаснаго правилъ св. апостоловъ и св. богоносныхъ отецъ, да не попираемы будутъ отъ не искусныхъ. Прежде убо всѣхъ, всѣ епископы княженія нашего да повинуются преосвященному митрополиту Кіевскому во всемъ подъ изверженіемъ отъ сана и отринутиемъ отъ престолъ ихъ, чесому властелемъ сирѣчь княземъ, боярамъ и судіямъ нашимъ несупротивлятися, но пособляти, подъ залогомъ на церковь соборную Кіевскую 2000 руб. грошей широкыхъ. Также митрополья и епископская власть цѣла и не рушима да пребудеть надъ всѣми пресвитерами, во предѣлахъ ихъ сущими, и не имать никто зъ мірскихъ князей и бояръ заступати ни единого пресвитера въ какомъ либо дѣлѣ отъ епископа, въ его же предѣлѣ церковъ имать подъ залогомъ 1000 р. грошей широкыхъ на церковь соборную, въ ней же пребываетъ епископъ, и погубленіемъ ктиторства. Браку всякаго чина людей да не дерзнетъ ни кто судити, ниже разводити, отъ мірскихъ властей, подъ залогомъ на церковь соборную епископскую 500 руб.: сій бо судъ есть епископскій. Аще кто отъ честнѣйшихъ нашихъ бояръ въ брацѣ блудномъ живущи обряцется, сирѣчь, аще мужъ, имъ жену живую, ину пойметъ, жена же вѣдущи о женѣ его прежней, яко жива есть, за него поидеть: сія обоя, давши залога на церковь соборную тысячу руб., развестися имуть и жити въ покаяніи; аще ли же не восхоцуть, ино ихъ мірская власть судити и казнити имать по своему суду, повелѣвши имъ воздати залогъ онъ на церковь соборную. Аще ли же кто отъ людей простыхъ обряцется живя въ бракѣ незаконномъ, сихъ епископъ по суду своему да казнитъ залогомъ, елико возможно, или иною казнію, и отъ общаго сожитія ихъ развести и ко первому браку ихъ причитати, поучивши ихъ, да живутъ въ покаяніи. Аще ли же кто отъ сановитыхъ въ блудѣ явѣ живеть, да престанеть отъ блуда и на церковь соборную да дастъ вини 500 руб. Аще ли же простъ человекъ мужъ или жена, обряцется явѣ тожь творя, да разведетъ и залога на церковь соборную да дастъ 2 руб.. Во всемъ княженіи нашемъ да искоренится

всякъ незаконенъ бракъ и блудъ: тѣмъ же преосвященнымъ митрополитъ и боголюбивые епископы да посылають кійждо во предѣлѣ своемъ смотрити сего. Сія вся суды церковъ за судитъ, также и еретичество; княземъ же боярамъ и судіямъ нашимъ въ тѣ же суды неступатися и во инья вся яже суть написана въ правилахъ св. апостолъ, св. отецъ и въ сихъ номоканонѣхъ нашихъ, подъ залогами 500 руб. Написанъ же бысть свитокъ сей номоканоновъ 6540 (1032) г.“

Что сказать объ этомъ свиткѣ? Подлинность его ни коимъ образомъ не можетъ быть защищаема: 1) слогъ свитка весьма новъ; 2) въ немъ встрѣчается анахронизмъ, что составляетъ принадлежность поддѣльныхъ документовъ. Въ началѣ свитка говорится: „се азъ князь Ярославъ, съ совѣтомъ преосвященнаго митрополита кіевскаго Иларіона, судихъ написать номоканоны сіи и свитокъ“, а въ концѣ: „написанъ же бысть свитокъ сей номоканоновъ въ лѣто отъ созданія міра 6540, что соотвѣствуетъ 1032 году по Р. Хр. Между тѣмъ Иларіонъ поставленъ въ митрополита не раньше 1051 г. 3) Въ свиткѣ Ярославъ приказываетъ: „властелемъ, сирѣчь княземъ, бояромъ и судіямъ нашимъ не сопротивлятися епископскому суду, ни заступать пресвитера“ подъ угрозою значительнаго штрафа. Здѣсь въ разрядѣ властелей помѣщаются князья на равнѣ съ боярами; но при Ярославі не было такихъ князей, которые бы вмѣстѣ съ боярами составляли высшее сословіе. Очевидно здѣсь указаніе на западнорусскіе феодальные порядки, выработавшіеся уже въ XIV в. Въ древнихъ узаконеніяхъ (уставы Владиміра, Ярослава, Ростислава) вездѣ говорится: князю, бояромъ и судіямъ,—а также намѣстнику князя, тиунамъ въ суды духовные не вступатися. Кромѣ штрафовъ свитокъ грозилъ властелемъ за заступательство пресвитера и погубленіемъ ктиторства, которое едва ли было извѣстно древней Руси. Не признавая подлинности свитка въ его настоящемъ видѣ, можно, впрочемъ, допустить, что въ основаніи его лежитъ подлинный уставъ Ярослава, съ теченіемъ времени подвергшійся значительнымъ перемѣнамъ. По крайней мѣрѣ съ извѣстнымъ уставомъ Ярослава свитокъ весьма сходенъ по своему характеру. И въ томъ и въ другомъ главною мыслию законодателя является уничтоженіе блуда и незаконныхъ браковъ; и тамъ и здѣсь является одна и таже система взысканій—денежная, при чемъ опредѣленъ и размѣръ пени за каждое преступленіе; и тамъ и здѣсь пеня въ пользу духовной власти не исключаетъ и казни со стороны князя; и тамъ и здѣсь при опредѣленіи размѣра пени, обращается вниманіе, на сословное положеніе лица—бояринъ или простъ человекъ. Все это типическія особенности устава и всѣ онѣ повторяются и въ свиткѣ. По началу своему они почти буквально сходны. Нельзя, поэтому, не признать родства между ними, хотя и весьма отдаленнаго. Но при сходствѣ весьма не мало и разностей. Укажемъ главное. Содержаніе устава составляетъ исчисленіе преступленій, подлежащихъ суду церковному или же церковному и гражданскому вмѣстѣ, а также опредѣленіе взысканій за каждое преступленіе. При этомъ разныя виды преступленій, напр. противъ чистоты нравовъ, перечисляются весьма подробно, за каждый видъ преступленія устанавливается точно опредѣленное наказаніе, заключающееся или только въ штрафѣ, или же еще и въ казни отъ князя, а также въ спитиміи и заключеніи въ домъ церковный. Размѣръ штрафовъ и родъ наказанія строго соразмѣряется съ важностію преступленія, а также съ положеніемъ въ обществѣ лица обиженнаго и совершившаго преступленіе. Но по отношенію къ свѣтскому суду просто опредѣляется, какія преступленія

подлежать совмѣстному ихъ суду, а какія исключительно духовному. Очевидно, что уставъ предназначается для церковныхъ судовъ, какъ кодексъ, которымъ должны были руководствоваться при опредѣленіи наказаній и при опредѣленіи подсудности того или другаго преступленія. Совмѣтъ не то въ свиткѣ. Предметы церковнаго суда намѣчены весьма неопредѣленно, въ самыхъ общихъ чертахъ. Указаны: незаконный бракъ и блудъ да и тѣ смѣшиваются между собою („аще простъ чловѣкъ обращается тожде творя“, т. е. въ блудѣ живеть, „да разведется“...) Затѣмъ слѣдуетъ неопредѣленное замѣчаніе „сія вся суды церковь да судитъ такожде и еретичество“, и въ заключеніе „княземъ, боляромъ и судіямъ нашимъ въ оныя суды не вступатися и въ ныня вся, яже суть написана въ правилахъ св. апостоль и въ сихъ номоканонѣхъ нашихъ“ (4). Отсюда очевидно, что цѣль свитка другая, нежели устава, что онъ не предназначался для употребленія въ церковныхъ судахъ. Цѣль эта оградить духовный судъ отъ вмѣшательства свѣтской власти (5). Съ этой стороны свитокъ дѣйствительно какъ бы пополняетъ уставъ. Какъ содержаніе устава составляетъ исчисленіе преступленій подвѣдомыхъ духовному суду и опредѣленіе наказаній, въ огражденіи же духовнаго суда отъ посягательства мирской власти сказано только: „ето имется въ тѣ суды вступати крестьянско имя не наречется на томъ, а отъ святыхъ да будетъ проклятъ“, въ свиткѣ о преступленіяхъ и наказаніяхъ упоминается какъ бы мимоходомъ и въ самыхъ общихъ чертахъ, главное же вниманіе составителя его сосредоточивается на огражденіи церковнаго суда отъ вступательства властей и на томъ, чтобы заставить людей сильныхъ изъ высшихъ классовъ, уважать опредѣленія церковнаго суда, подчиняться имъ. Съ этою цѣлію онъ устанавливаетъ залого (позднѣйшая зарука—явленіе западно-русское), средство, конечно, болѣе дѣйствительное для того времени, нежели клятвы законодателя, если только есть возможность привести его въ исполненіе. Чтобы придать ему дѣйствительную силу, свитокъ поступаетъ даже частью правъ духовенства въ пользу мірскаго суда: „аще кто отъ боляръ во брацѣ блудномъ живущи обрящется, давши залога на церковь тысячу руб. грошей широкихъ, развестися имуть и жити въ покаяніи; аще ли же не восхоцуть, ино ихъ мірская власть судити и

(4) Последнія слова могутъ наводить на мысль, что свитокъ составлялъ первоначально какъ бы предисловіе или же послѣсловіе какого нибудь болѣе обширнаго и подробнаго законодательнаго кодекса, въ родѣ устава Ярослава, что подтверждается и слѣдующими далѣе словами: „написанъ же бысть свитокъ сей номоканоновъ въ лѣто 6540“. А въ началѣ свитка—свитокъ и номоканоны различаются: „азъ Ярославъ... судихъ написати сія номоканоны и свитокъ, соблюденія ради опаснаго правилъ св. апостоль и отецъ, да непопираемы будутъ отъ не искусныхъ“. Но мы знаемъ только одинъ уставъ Ярослава (допустимъ его подлинность), къ которому свитокъ никакъ не можетъ быть приуроченъ: а) языкъ устава гораздо древнѣе языка свитка; б) уставъ извѣстенъ восточной Руси, западной же только въ видѣ какъ бы преданія,—свитокъ только западной, въ которой уставъ не встрѣчается; вмѣстѣ свитокъ и уставъ нигдѣ не встрѣчаются; в) въ свиткѣ опредѣлены размѣры взысканій за нѣкоторыя преступленія, которыя были бы излишни, если бы онъ составлялъ приложеніе къ уставу и проч... Такимъ образомъ доказательствъ и за и противъ равносильны и вопросъ пока долженъ остаться не рѣшеннымъ.

(5) Это указывается и митрополитомъ Іосифомъ въ грамотѣ Александра 1499 года.

казнити имать по своему суду, повелѣвши имъ воздати залогъ онъ на церковь соборную“. Относительно простыхъ людей, церковь, должно быть, чувствовала себя сильнѣе, потому что не отсылаетъ ихъ къ мірскому суду и даже размѣръ залога предоставляетъ установить суду епископа. И такъ, какое же было значеніе свитка? Тоже, что позднѣйшихъ жалованныхъ грамотъ польскихъ королей православному духовенству: онъ былъ формальнымъ признаніемъ со стороны государственной власти извѣстныхъ правъ церкви въ области суда. Уставъ Ярослава, какъ увидимъ ниже, не безызвѣстенъ былъ въ западной Руси, а потому неудивительно, что и свитокъ написанъ отъ его имени. Старина, старыя права и вольности, вполнѣ уважались Литовскими князьями, и грамота написанная отъ лица Ярослава, могла рассчитывать на признаніе со стороны ихъ во всей силѣ. Но какъ скоро извѣстныя права церкви, на основаніи свитка, признаны были за нею и Литовскими вел. князьями, свитокъ сталъ уже не нуженъ, какъ вещь лишняя: мѣсто его заступили жалованныя королевскія грамоты, дававшія тѣже права и имѣвшія больше силы. Поэтому-то послѣднее упоминаніе о немъ мы встрѣчаемъ въ грамотахъ короля Александра, данныхъ въ 1499 г. митрополиту Іосифу Солтану (6), а въ 1503 году полоцкому епископу Лукѣ (7), которыми король формально подтверждалъ права западно-русской церкви въ томъ видѣ, какъ они опредѣлены свиткомъ. Съ этого времени при защитѣ правъ церкви ссылаются уже не на свитокъ, а на королевскія грамоты. Едва ли, впрочемъ, можно сказать, чтобы и до этого времени онъ былъ извѣстенъ и имѣлъ значеніе во всей западной Руси. Упоминаніе объ немъ, мы находимъ только въ грамотахъ мстиславскихъ князей Онуфріевскому монастырю 1443 и 83 годовъ (8) въ жалованныхъ грамотахъ митрополиту Іосифу, который былъ Смоленскимъ епископомъ, представилъ этотъ свитокъ Александру въ Вильнѣ, а потомъ Сигизмунду въ Брестѣ и испросилъ его подтвержденіе, да еще въ такой же грамотѣ полоцкому епископу, которая дана была ему, вѣроятно, также по его просьбѣ и только можно поэтому предполагать, что свитокъ былъ извѣстенъ только въ сѣверныхъ областяхъ—Полоцкой и Смоленской,—и только благодаря митрополиту Іосифу получилъ нѣкоторое значеніе для всей западной Руси. Вспомнимъ, что тогда каждая область во многомъ жила еще своею отдѣльною жизнью, своими уставами, обычаями и преданіями; связь между ними была какъ бы внѣшняя.

(Продолженіе впереди).

— Изъ Валлы-Церковной! (Сувалкской Губерніи), 5-го мая. Унія доживаетъ послѣдніе дни; она теряетъ послѣднихъ чадъ своихъ въ предѣлахъ Привислинскаго Края.

Независимо главной уніатской группы, находившейся въ губерніяхъ Люблинской и Сѣдлецкой и состоявшей изъ потомковъ тѣхъ русскихъ и православныхъ людей, которые

(6) Упоминается еще въ грамотѣ Сигизмунда 1511 г. тому же Солтану, которая служитъ подтвержденіемъ Александровой.

(7) Акты Зап. Рос. Т. 1 стр. 190.

(8) Ак. Зап. Рос. Т. 1. стр. 58—102.

сражались подъ знаменами Хмѣльницкаго, въ предѣлахъ края находится другая группа, гораздо меньшая. Она состоитъ всего изъ девяти приходоѡ, изъ которыхъ два въ Ломжинской Губерніи, а другіе семь въ Сувальской, смежно съ Гродненскою. Естественно, эти двѣ маленькія униатскія общины не могли не знать, что происходило среди ихъ сѣдлецкихъ и люблинскихъ единовѣрцовъ. Слухи о томъ были сначала тревожнаго свойства, но потомъ вдругъ, въ половинѣ прошлой зимы, заговорили, что сѣдлеціе униаты, одинъ приходъ за другимъ, начинаютъ принимать православіе. Масса униатскаго населенія относилась къ этимъ извѣстіямъ вообще довольно равнодушно; за то сильно волновались какіе-то незримые элементы, окружавшіе крестьянскую массу; въ нее безпрестанно проникали всевозможные слухи. Сѣдлецкое начальство—внушали нашимъ униатамъ—дѣйствовать въ свою голову въ Варшавѣ имъ недовольны и „цесаржъ“ стоитъ за сохраненіе униі. Распространился слухъ, что принявшіе въ Сѣдлецкой Губерніи православіе были обложены податями; то увѣряли, что на дняхъ должны пріѣхать какіе-то чиновники и „попы“ изъ Петербурга, которые будутъ выбрасывать изъ униатскихъ церквей старыя образа и замѣнять ихъ новыми, греческими; то пугали проклятіемъ папы, то смущали гнѣвомъ „цесаржа“ за ослабленіе между крестьянами униатскаго обряда. Говорили о готовящемся заступленіи за унию сосѣднихъ государей, а равно и Наполеона, имени котораго стараются не дать умереть въ здѣшнемъ краѣ; словомъ, употребляли самую живую и дѣятельную агитацію.

Понятно, что эта агитація не могла укрыться отъ вниманія мѣстной администраціи, которой, вѣроятно, извѣстны и лица, занимавшіяся ею. Лѣтъ двадцать назадъ, этихъ господъ выслали бы изъ края или засадили бы въ цитадель; теперь ихъ не трогали; но пропаганда ихъ вызвала пропаганду въ противоположномъ направленіи. Священники, состоящіе, большею частью, изъ воспитанниковъ холмской духовной униатской семинаріи и устраненные съ молодыхъ лѣтъ отъ вліянія ксендзовъ, стали объяснять своимъ прихожанамъ исторію униі съ иной точки зрѣнія и говорить о насиліяхъ, которыми сопровождалось обращеніе въ нее православнаго народа; они объясняли, что, вопреки первоначальнымъ ея уставамъ, произошло отклоненіе въ послѣднія 150 лѣтъ отъ восточнаго обряда и что, слѣдовательно, распоряженія нынѣшняго униатскаго духовнаго начальства относительно очищенія этого обряда совершенно правильны. То же объяснили и начальные учителя, воспитывавшіеся, по большей части, въ учительскихъ семинаріяхъ и, слѣдовательно, подобно молодымъ священникамъ, также устраненные съ раннихъ лѣтъ отъ вліянія католическихъ воззрѣній. Наконецъ, административныя власти, по счастью, пользующіяся въ кругѣ своего управленія большимъ авторитетомъ, подтверждали то же самое, когда къ нимъ обращались крестьяне съ своими сомнѣніями, а такіе случаи начали представляться, въ послѣднее время, часто, потому что обнаружившееся броженіе умовъ между униатами, заставляло уѣзднаго начальника часто посѣщать униатскую мѣстность.

Между тѣмъ, вслѣдствіе распоряженій холмской (униатской) консисторіи, а также и собственнаго побужденія молодыхъ священниковъ, начинала чувствоваться потребность въ новыхъ, по православному образцу, облаченіяхъ и утвари; изъ нѣкоторыхъ приходоѡ получались заявленія объ устройствѣ алтарей съ иконостасами. Обо всемъ этомъ, какъ о признакахъ весьма благопріятныхъ, Сувальской губернаторъ

писалъ въ Петербургъ и просилъ дать ему средства удовлетворить помянутымъ желаніямъ униатскаго населенія. Вслѣдствіе этого ходатайства, были асигнованы средства для иконостаса и выслана церковная утварь и облаченія для всѣхъ семи униатскихъ церквей Сувальской Губерніи. Видъ ярко-сіяющихъ ризъ, золоченыхъ ковчегоѡ, изящныхъ паникадилъ и проч. произвелъ сильное впечатлѣніе на массу прихожанъ, вообще очень бѣдныхъ и довольно дикихъ; а такъ какъ имъ было извѣстно, что всѣ эти такъ поражавшіе ихъ предметы присланы изъ церквей столицы, не безъ вѣдома высшаго правительства, то вкорененное въ нихъ убѣжденіе, будто правительство чрезвычайно дорожитъ всѣми особенностями униатскаго обряда, сильно поколебалось: поколебать же это убѣжденіе значило разрушить въ глазахъ здѣшнихъ крестьянъ едва ли не самый сильный аргументъ въ пользу униі. Наконецъ, на крестьянскую массу имѣлъ вліяніе примѣръ священниковъ, которые всѣ, за исключеніемъ одного, формальнымъ актомъ, составленнымъ въ январѣ, заявили о желаніи своемъ соединиться съ православною церковью.

Доказательство тому представилось весьма скоро. Изъ семи униатскихъ приходоѡ Сувальской Губерніи считался самымъ преданнымъ униі Лабенскій. Въ этомъ приходѣ униатское народонаселеніе живетъ въ перемежку съ католическимъ, и между униатами и католиками существуютъ родственныя связи—и вдругъ, въ этомъ самомъ приходѣ, наиболѣе пропитанномъ духомъ католицизма, совершенно неожиданно для всѣхъ, кромѣ развѣ мѣстныхъ жителей, сдѣланъ былъ первый шагъ къ воссоединенію съ православіемъ. 19-го февраля нѣсколько человекъ изъ числа Лабенскихъ прихожанъ выразили желаніе доказать „Царю“ свою признательность за вниманіе къ ихъ бѣдной церкви принятіемъ той вѣры, которую онъ исповѣдуетъ. Объ этомъ былъ составленъ актъ, подъ которымъ подписалось 158 домохозяевъ изъ числа 170-ти, составляющихъ весь приходъ, о чемъ, какъ извѣстно въ свое время было доведено до свѣдѣнія Государя Императора.

Между тѣмъ, въ Баллской церкви производилась перестройка алтаря и сооружался иконостасъ. Всѣ эти работы были кончены къ исходу февраля; на 8-е марта назначено было торжественное освященіе новоустроенной церкви. Балла (такъ называемая Церковная *) есть мѣстопробываніе благочиннаго; мѣстная церковь превосходитъ всѣ прочія размѣрами, по она была возобновлена съ особенною тщательностью и относительною роскошью. Поэтому, на торжественное освященіе стеклось народа до 700 изъ всѣхъ униатскихъ приходоѡ, а также съѣхались всѣ священники. Богослуженіе имѣло видъ величественный; хоръ, составленный изъ учениковъ мѣстнаго училища, пѣлъ довольно стройно. Въ концѣ литургіи мѣстный священникъ произнесъ слово. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о необходимости взаимнаго довѣрія между прихожанами и священниками, онъ началъ объяснять близость униі къ православію, напомнилъ о недавнихъ щедротяхъ царскихъ къ здѣшнимъ униатскимъ храмамъ и о благосклонномъ отзывѣ, которымъ Его Величество удостоилъ заявленіе Лабенскаго прихода, и сказалъ, что если пастыри не находятъ препятствія къ воссоединенію съ церковью русскаго народа и Царя-Освободителя, то неужели не найдется между присутствующими людьми, готовыхъ послѣдовать

*) Потому что есть другая Балла—Большая.

ихъ примѣру? На этотъ вопросъ слышалось нѣсколько голосовъ, отвѣчавшихъ: „и мы готовы, и мы желаемъ“...

Богослуженіе кончилось; духовенство и нѣкоторые, находившіяся при этомъ, должностныя лица отправились въ помѣщеніе благочиннаго, а толпа долго еще толковала вокругъ церкви. Наконецъ, отъ нея отдѣлились 62 человѣка, принадлежавшіе къ пяти приходамъ, и заявили, что они желаютъ послѣдовать примѣру своихъ священниковъ и присоединиться къ вѣрѣ своего Царя, о чемъ и былъ тутъ же составленъ актъ.

Этотъ актъ былъ представленъ варшавскому генерал-губернатору. Графъ Коцебу, прежде чѣмъ далъ ему дальнѣйшее движеніе, пожелалъ знать, были ли эти 62 человѣка уполномочены своими односельчанами на сдѣланное ими заявленіе, и, узнавъ, что они говорили и подписали актъ лишь отъ своего имени, безъ всякаго полномочія со стороны своихъ приходовъ, рѣшился выждать дальнѣйшихъ событій, а для ближайшаго ознакомленія съ движеніемъ, обнаружившимся въ средѣ Сувалкескаго униатскаго населенія, командировалъ туда одно, состоящее при немъ, довѣренное лицо оказалось, что въ промежутокъ времени между этою командировкой и 8-мъ марта мысль о воссоединеніи сдѣлала значительные успѣхи: всѣ семь униатскихъ приходовъ Сувалкеской Губерніи послали уполномоченныхъ въ Варшаву заявить генерал-губернатору и варшавскому архіепископу о желаніи своемъ принять православіе. Тогда графъ Коцебу, по соглашенію съ преосвященнымъ, назначилъ торжество присоединенія на 27-е апрѣля, а высокопреосвященный Іоанникій выразилъ желаніе прибыть на мѣсто ко дню этого торжества.

Вечеромъ 26-го апрѣля, архіепископъ пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Гродно и прямо со станціи отправился въ Баллу. Сувалкскій губернаторъ со многими почетными лицами, нарочно прибывшими изъ Сувалокъ, встрѣтилъ архіепископа на границѣ губерніи, въ селѣ Лососнѣ, и провожалъ его до Баллы, гдѣ ему было отведено помѣщеніе въ церковномъ домѣ. Это было въ субботу, а потому у преосвященнаго была всенощная. Въ приходской церкви, довольно помѣстительной, съ весьма хорошимъ для деревенской церкви иконостасомъ, также служилась всенощная. Богослуженіе совершалъ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, заявившихъ о желаніи воссоединиться. Ни въ его облаченіи и манерѣ служить, ни въ церковной обстановкѣ вообще—ни въ чемъ не было ничего такого, что показалось бы не своимъ любу москвичу; ученическій хоръ очень порядочно пѣлъ, а когда на другой клиросъ пришли шесть человѣкъ изъ архіерейскихъ пѣвчихъ, то богослуженіе приняло вполне торжественный видъ.

На другой день, 27-го апрѣля, съ раннаго утра по всѣмъ направленіямъ шли пѣшкомъ и ѣхали въ Баллу крестьяне и крестьянки, инья съ грудными дѣтьми, и все это толпилось вокругъ церкви, размѣщаясь кто на завалинкѣ, кто на камешкѣ, кто на едва пробивавшейся травѣ. Народа привалило изъ всѣхъ семи приходовъ, изъ однихъ больше, изъ другихъ меньше, всего тысячъ до трехъ. Около десяти часовъ раздался благовѣстъ и, въ то же время, съ разныхъ сторонъ начали подвѣзжать къ Баллѣ экипажи лицъ, прибывшихъ наканунѣ изъ Сувалокъ и размѣстившихся на ночь по окрестностямъ. Мѣстное духовенство въ полномъ облаченіи, а остальные въ эпитрахиляхъ сверхъ рясы, предшествуемое хоругвами, встрѣтило архіепископа у церковной

ограды и ввело его въ церковь при пѣніи: „Днесъ благодать св. духа на съ собра“. По окончаніи часовъ, губернаторъ прочиталъ громко о соизволеніи Государя Императора на принятіе священниками и прихожанами православія, а преосвященный преподавалъ имъ благословеніе отъ имени св. Синода, который, сказалъ онъ, принимаетъ обращающихся къ нему съ отеческою любовью. Послѣ этого отслуженъ былъ молебенъ, а вслѣдъ затѣмъ, до начатія литургіи, совершонъ обрядъ присоединенія униатскихъ священниковъ.

И часы, и молебенъ, и литургія были величественны, какъ нельзя больше. Архіепископъ въ богатомъ облаченіи, окруженный четырьмя дьяконами и десятью сослужившими ему священниками; превосходный хоръ, состоящій изъ 30-ти лицъ—все это было, по истинѣ, торжественно и прекрасно. Серьезныя лица крестьянъ были полны благовѣйнаго вниманія; женщины почти все время стояли на колѣняхъ. Это можетъ показаться страннымъ; многіе не повѣрятъ, можетъ быть, чтобъ вчерашніе униаты принимали сердечное участіе въ православномъ, неполнѣ еще привычномъ имъ богослуженіи. Но такъ можетъ показаться лишь тѣмъ, кто не знаетъ нашего простолюдина. Крестьянинъ, приходя въ церковь, ищетъ удовлетворенія потребности молиться, а не думаетъ наблюдать за ходомъ и порядкомъ обрядности; этимъ интересуются лишь начотчики и грамотѣи. Масса только молится, вздыхаетъ, кланяется въ землю, и чѣмъ сильнѣе богослуженіе возбуждаетъ въ ней это молитвенное настроеніе, тѣмъ болѣе оно ей по сердцу. Во время пѣнія причастнаго стиха, позади меня раздавалось довольно громкое и скромное бормотаніе—это крестьянинъ—читалъ по польскому, разумѣется, католическому молитвеннику—но надо было видѣть, сколько искренняго воодушевленія было написано на его лицѣ! Когда же, по окончаніи литургіи, преосвященный началъ раздавать депутатамъ отъ приходовъ высочайше дарованные образа для ихъ церквей, многіе, принимая эти образа, осѣняли себя католическимъ крестомъ, это правда, но руки ихъ дрожали отъ волненія при этомъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ было такое выраженіе, которое можно встрѣтить лишь на иконахъ восточной живописи: совершенную, мертвенную неподвижность лицевыхъ мускулъ при огненномъ взорѣ, точно будто вся жизнь человѣка, вся его душевная сила сосредоточилась въ его зрачкахъ.

Получивъ отъ владыки образъ и при немъ евангеліе, депутатъ отходилъ вправо, гдѣ встрѣчалъ цѣлый рядъ священниковъ съ привѣтствіемъ „Христосъ воскресъ“ и братскими лобзаніями. Потомъ, владыка раздавалъ присутствующимъ наперсныя крестики и, наконецъ, вышелъ изъ церкви послѣ четырехчасоваго пребыванія въ ней. Здѣсь его встрѣтила громадная толпа, безмолвная, съ обнаженными склоненными головами. Онъ прошелъ между двухъ разступившихся передъ нимъ стѣнъ, осѣняя и благословляя на право и налѣво—это было шествіе пастыря среди уже своей паствы.

Церковное торжество кончилось. За нимъ послѣдовало народное. На сумму, асигнованную варшавскимъ генерал-губернаторомъ, былъ приготовленъ завтракъ для духовенства и лицъ, пріѣхавшихъ къ этому торжеству, а также и для крестьянъ: для первыхъ, въ классной комнатѣ мѣстнаго училища, а для крестьянъ—противъ оконъ этой комнаты, на украшенной флагами лужайкѣ. Преосвященный Іоанникій подошелъ къ крестьянскимъ группамъ, разговаривалъ съ войтами, приласкалъ мальчиковъ, которыхъ привезено было по нѣскольку отъ каждаго изъ бывшихъ униатскихъ училищъ.

Затѣмъ, губернаторъ, наливъ рюмку водки, поднялъ ее за здравіе Государя; присутствующіе грянули „ура“, а пѣвчіе— народный гимнь. Потомъ губернаторомъ же провозглашено было здравіе владыки, а полковникомъ Лошинымъ, присутствовавшимъ отъ имени генераль-губернатора— за здравіе графа П. Е. Коцебу, отъ имени котораго онъ поздравилъ крестьянъ со вступленіемъ въ общеніе съ православною вѣрою ихъ предковъ. Послѣ этого крестьяне были приглашены приступить къ закускѣ, а прочіе перешли въ столовую комнату. Здѣсь провозглашены были почти тѣ же тосты, а такъ какъ пѣвчихъ здѣсь не было, то сами присутствовавшіе пропѣли „Боже, Царя храни“.

Было около шести часовъ; солнце начинало спускаться къ западу, наступалъ прекрасный вечеръ, послѣ не менѣе прекраснаго, перваго въ этой мѣстности, почти лѣтняго дня. Народа было еще много, хотя часть уже разошлась. Нѣсколько мальчиковъ—школьниковъ тѣснились вокругъ одного, который получилъ отъ пресвященнаго евангеліе за то, что прекрасно читалъ, наканунѣ, за вечерней шестопсалміе. Часть депутатовъ, тоже съ полученными евангеліями подъ мышкой, прохаживались, толкуя о своихъ дѣлахъ; одинъ изъ нихъ показывалъ другому, какъ слѣдуетъ „по русскому“ складывать пальцы для крестнаго знаменія. Намъ, пріѣзжимъ, было странно, что не слышалось и не замѣчалось никакихъ признаковъ оживленія; но здѣсь народъ не поетъ. Было нѣсколько подгулявшихъ. Одинъ изъ нихъ, сильно покачиваясь, подошелъ къ экипажу, въ который я сѣлся, и бухнулся въ ноги. „Что тебѣ?“— „Ничего; я только хотѣлъ сказать, что намъ неправду говорили, будто русская вѣра дурна и что начальство наше дурно... И русская вѣра хороша, и начальство доброе“.

Что же, думалъ я на возвратномъ пути изъ Баллы, каковы будутъ послѣдствія пережитаго нами дня? Конечно, большинство этой тѣснившейся здѣсь толпы не сознаетъ всей важности совершившагося событія; но развѣ та людская масса, которая билась на полтавскихъ поляхъ, или та, которая сражалась въ окрестностяхъ Меца, развѣ она не знавала, что ея усилія создаютъ Русскую и Германскую Имперію? Толпа—могущественное, но слѣпое оружіе въ рукахъ промысла и отмѣченныхъ имъ людей. Но люди мыслящіе не могутъ отрицать важность совершающагося на нашихъ глазахъ окончательнаго паденія униі. Уніа была задумана съ цѣлью похитить у Россіи и русской церкви ихъ чадъ: теперь они почти все уже возвратились. Судя по видѣнному, они уже вполне русскіе: слово „Царь“ такъ же могущественно дѣйствуетъ на нихъ, какъ и на жителей Московской или Тульской губерній, и немного времени нужно для того, чтобъ они сдѣлались такими же православными, какъ коренные русскіе. Что многіе изъ нихъ не умѣютъ складывать персты по русскому для крестнаго знаменія, что они являются въ православную церковь съ католическими молитвенниками—это еще не большая бѣда; вѣроятно, то же самое было и въ западныхъ губерніяхъ въ первые годы по уничтоженіи тамъ униі; извѣстно, что въ литовской епархіи многіе священники, изъ бывшихъ тамъ униатовъ, носили до самой смерти прежнюю сутану и брили бороду, но это не помѣшало имъ быть добрыми православными паствырями; здѣшнимъ новоприсоединившимся было очень пріятно узнать, что пресвященный Іоанникій расположенъ терпѣть подобныя неважныя отступленія со стороны стариковъ-священниковъ. Теперь всего нужнѣе осторожность; узкій

педантизмъ и ревность не по разуму были бы вредны, а что еще несовершенно, то докончатъ время и шкёлы. Мысль о важной задачѣ бывшихъ униатскихъ, нынѣ православныхъ школъ принадлежитъ высокопресвященному Іоанникію и съ нею нельзя не согласиться: имъ, народнымъ школамъ, предстоитъ окончательно сросстись съ великимъ русскимъ организмомъ отдѣленную отъ него униатскую вѣтвь.

(Голосъ).

— Въ дополненіе къ некрологу священника К. Бренна (см. № 18), настоятель Борнинской ц., о. Іоаннъ Будзиловичъ, проситъ напечатать слѣдующее: „отличительною чертою жизни покойнаго была высокая пажобность. Проживши съ нимъ болѣе 20 л., я могу сказать, что въ жизни его было мало, и очень мало такихъ дней, въ которые бы онъ, по болѣзни или уже очень уважительнымъ причинамъ, былъ безъ служенія. Любимыя его слова были: „хочу быть пажобнымъ; Богъ знаетъ, доживу ли я того дня въ слѣдующемъ году, а чтобы смерть не стала меня въ распахъ.“ Но и въ тѣ дни, въ которые ему не приходилось служить обѣдни, другія службы церковныя, какъ то: полунощница, утренняя, часы, вечерня, повечеріе онъ прочитывалъ и пѣлъ съ причтомъ—все до послѣдняго псалма, до послѣдняго канона, до послѣдняго тропаря.—Проскомидія его была длиннѣе самой обѣдни; всѣхъ, кого онъ зналъ только, съ кѣмъ имѣлъ какое нибудь дѣло, кто сдѣлалъ ему что нибудь доброе и кто даже былъ врагомъ его, всѣхъ онъ поминалъ на проскомидіи, за каждаго клалъ отдѣльную частицу, и за каждаго присоединялъ особую молитву предъ престоломъ Всевышняго.—Каждое слово его служенія было глубоко прочувствованное, внятное и выразительное. Въ комнатѣ, въ которой онъ жилъ, въ углу былъ маленькій алтарикъ (?); по стѣнамъ висѣло нѣсколько иконъ, стоялъ столъ, на столѣ евангеліе, крестъ, двѣ восковыя свѣчи, и висѣла лампадка, которая почти постоянно теплилась. Вставши, обыкновенно въ 4 часа утра, онъ до 7-ми часовъ всегда на колѣняхъ молился самъ и иногда, распростершись крестообразно на полу, проливалъ горкія слезы въ молитвѣ. На полу всегда были замѣтны слѣды отъ слезъ; въ 7-мъ часовъ всегда уже съ причтомъ начиналась служба по уставу церкви;—передъ сномъ онъ тоже около двухъ часовъ стоялъ въ молитвѣ на колѣняхъ. Но особенное время его подвиговъ былъ великій постъ; онъ всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ его и говорилъ, что во дни поста онъ и здоровѣе и крѣпче; съ перваго дня онъ запирался въ своей молельнѣ и не любилъ, если кто мѣшалъ ему своимъ приходомъ. Первую и послѣднюю седмицу онъ рѣшительно не принималъ ни какой пици кромѣ одного стакана чаю и то безъ сахару—поздно уже вечеромъ; разговлялся пицею едва въ субботу и все время проводилъ въ молитвѣ и поклонахъ.“

Содержаніе № 21.

ПРАВИТ. РАСПОРЯЖЕНІЯ. Высочайшая награда. Учрежденіе втораго викариатства въ Грузинскомъ экзархатѣ. Телеграммы къ министру внутр. дѣлъ изъ г. Замостья. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Назначеніе. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Пожертвованіе. Отъ Редакціи. Вакаціи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Пріѣздъ Его Высочайшаго пресвященства въ Вильну. Духовный судъ въ западной Руси въ XVI в. Балла—церковная. Къ некрологу свящ. К. Бренна.

Предыдущій № сданъ на почту 18-го Мая.

Редакторъ, Священникъ Іоаннъ Котовичъ.

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія г. Вильна. Ивановская у. № д. 11—1875 г.

Дозволено цензурой. Цензоръ, Протоіерей
Николай Дмитревскій.